

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА МИРА

УДК 81(091)

«НА МЫСЛИ, ДЫШАЩИЕ СИЛОЙ, / КАК ЖЕМЧУГ, НИЖУТСЯ СЛОВА...»: ЛИРИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЕРВОМ ИЗДАНИИ СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТА (1840)¹

© Галина Борисовна БУЯНОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
e-mail: galina_buyanova@mail.ru

Рассматривается состав первого и единственного прижизненного издания стихотворений М.Ю. Лермонтова, вышедшего в 1840 г. Размышляем о своеобразном мирозерцании поэта, поэтическом воплощении его взглядов на мир и взаимоотношения людей, о сложности человеческих чувств, красоте и гармоничности природы, отразившихся в лирике поэта. Анализируются поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Мцыри», стихотворения, составляющие золотой фонд русской поэзии, – «Бородино», «Дума», «Я, мать божия, ныне с молитвою...», «В минуту жизни трудную», «Три пальмы» и ряд др. Осмысливается творческий путь М.Ю. Лермонтова как непрерывное и стремительное развитие, в процессе которого писатель возвращался к уже известным темам, мотивам, образам и обогащал их. В процессе литературоведческого анализа произведений М.Ю. Лермонтова используются воспоминания современников и друзей поэта, редкие исследовательские работы конца XIX – начала XX в. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Н. Котляревского, В. Покровского, Б. Майкова, а также работы выдающихся лермонтоведов XX – начала XXI столетия.

Ключевые слова: первый стихотворный сборник, издание 1840 г.; лирическая личность; творческое назначение поэта; литературные влияния; историческая судьба России; лермонтовское поколение.

Строки М.Ю. Лермонтова вспоминаются ежедневно, вновь и вновь подтверждая сказанное им когда-то: «Мой гений веки пролетит...». Кажется, нет литературного жанра, в котором М.Ю. Лермонтов не испытал своих сил и не достиг вершины. Обладающий безупречным эстетическим вкусом, чувствующий музыку слова, ритм стиха, поэт ярок и убедителен в гражданско-патриотической, философской, элегической лирике, балладах, глубинных монологах-исповедях, пронзительных по силе страстного чувства стихотворениях о любви, в обладающей удивительной гармонией прозе.

Стихотворения М.Ю. Лермонтова всегда узнаются по общему для них душевному строю, который В.Г. Белинский назвал «лер-

монтовским элементом» и который, по его же мнению, «лучше угадывается, чем поддается описанию или анализу» [1, с. 227]. М.Ю. Лермонтов – поистине лирическая личность, в каждой поэтической строке выражающая свою удивительную душу, – мужественную, прямую, честную, не терпящую лжи, удивительно человеколюбивую. В 1840 г. вышел первый и единственный сборник стихотворений М.Ю. Лермонтова, состав которого определил он сам. К этому времени поэт был автором уже около 400 стихотворений и 30 поэм, но в первое издание, готовившееся к печати, включил всего 28 произведений. Каждое из них тесно связано с созданным поэтотом ранее, т. к. представляет собой определенный этап жизни лирического героя лермонтовской поэзии.

Подготавливая к изданию свой первый сборник стихотворений, М.Ю. Лермонтов включил в него произведения, без которых

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 13-34-01016 «Поэзия М.Ю. Лермонтова в контексте прозаического и эпистолярного наследия писателя».

невозможно представить себе русскую поэзию, русскую духовность. Первой в сборнике значится «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», за нею следуют «Бородино», «Узник», «Я, мать божия, ныне с молитвою», «Дума», «Русалка», «Ветка Палестины»... Каждое из стихотворений – образец высокой поэзии, красоты, звучности и силы. Объединенные М.Ю. Лермонтовым в одной книге, они дают широкое представление о его творческом назначении, повествуют о взглядах поэта на исторические судьбы России и судьбу своего поколения, позволяют судить о его отношении к миру и войне, открывают читателю, к каким идеалам стремился поэт, повествуют о любви.

В личности главного героя «Песни про царя Ивана Васильевича...» Степане Парамоновиче Калашникове и его поступках выразились лермонтовские размышления о народных устоях русской национальной жизни, о народной нравственности и вере православной, о семейных родовых традициях и личном мужестве. «Личное оскорбление, нанесенное Кирибеевичем Калашникову, перерастает личные рамки и становится оскорблением народных законов и обычаев» [2, с. 162], – отмечает в монографии «Творческий путь М.Ю. Лермонтова» В.И. Коровин. Защищая христианские традиции, по которым жила русская семья, честь жены, Калашников выходит на смертный бой с Кирибеевичем на виду всего честного народа, и исход этого поединка приобретает в «Песне...» символическое значение. Сила сражается с силой, и побеждает тот, на чьей стороне правда. Страстное чувство опричника, попирающее нравственные понятия, узаконенные народным обычаем, становится его бедой. Еще до начала боя смятенный, сознающий свою вину Кирибеевич предчувствует свою гибель:

...Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...
[3, IV, с. 62]

Калашников, напротив, полон решимости и веры в то, что справедливость на его стороне:

...А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного... [3, IV, с. 61]

Побивая Кирибеевича, он мстит за личную обиду и за попранное народное понятие чести. «Он убежден, – пишет В.И. Коровин, – что одновременно вступается от всего народа и за общий христианский закон. Но, защищая закон, он совершает преступление против него, ибо честный открытый бой с противником не связан с личной обидой и мстостью» [2]. Калашников не может признаться грозному царю в том, что стало причиной поединка:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольною волей,
А за что, про что – не скажу тебе,
Скажу только богу единому... [3, IV, с. 63]

Высшим судьей над собой купец признает суд Божий и мужественно идет на гибель, утверждая человеческое достоинство ценой собственной жизни.

Исследователи творчества М.Ю. Лермонтова пришли к выводу, что в его художественном наследии обнаруживается особый путь развития – по спирали. Художническое движение Лермонтова-писателя отличалось тем, что в процессе творчества он возвращался к уже созданным образам, освоенным темам, знакомым мотивам и на каждом новом этапе варьировал, обогащал, усложнял их. Каждый виток его спирали – отражение стремительного развития личности самого М.Ю. Лермонтова, роста его мастерства, углубление гражданского и философского содержания его творчества. Лермонтовская спираль – особый художнический рисунок, в котором удивительным образом соединяются прежнее и вновь открывающееся его мысленному и душевному взору.

В 1831 г. 16-летний Лермонтов написал стихотворение «Поле Бородина», в котором взволнованно, подражая Жуковскому и Пушкину, повествовал о ночи перед сражением и событиях Бородинского боя. В 1837 г. 23-летним поэт вернулся к Бородинской теме и создал стихотворение, в котором от прежнего сохранилось 2 неполных строфы. Каждая мысль получила логическое завершение,

каждое слово было отточено. Неопределенное «вождь» из «Поля Бородина» М.Ю. Лермонтов заменил точным и близким каждому воину – «полковник наш», первым в отечественной поэзии назвал героем сражения и победителем русского солдата и офицера. М.Ю. Лермонтов в «Бородино» написал о том, что вынужден был признать император Франции Наполеон Бонапарт: ««Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми... Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех» [4, с. 191].

«Бородино» М.Ю. Лермонтова стало самым известным, самым ярким произведением русской поэзии, «находившим отзвук равно и в барской усадьбе, и в народной среде», и в аристократической гостиной [5, с. 39]. «Бородино» «заучивалось наизусть и старым, и малым, как об этом свидетельствуют многие мемуарные источники, оно проникло на страницы нескольких хрестоматий, звучало со сцены, повлияло на развитие демократического направления отечественной поэзии, став художественным образцом для последующих произведений, посвященных защите Москвы, воссозданию атмосферы народной войны вообще», оно, как писал Б.М. Эйхенбаум, наметило «целую перспективу для эпического понимания Отечественной войны», стало «зерном», из которого выросла эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» [6, с. 200].

В состав сборника 1840 г. вошло стихотворение, которое 15 февраля 1838 г. М.Ю. Лермонтов отослал в письме М.А. Лопухиной: «В заключение этого письма посылаю вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится, а до этого я совсем забыл о нем – впрочем, это ровно ничего не доказывает...» [7, IV, с. 440]. И далее – текст стихотворения «Молитва странника», которое известно нам сегодня как «Я, мать божия, ныне с молитвою...», – на русском языке, тогда как основной текст письма написан по-французски. А.П. Шан-Гирей в воспоминаниях о М.Ю. Лермонтове указывает, что молитва была создана в то время, когда поэт находился под арестом в здании Главного

штаба (в связи со стихами на смерть А.С. Пушкина): «Под арестом к Мишелю пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива»; «Я, мать божия, ныне с молитвою»; «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» <...> [8, с. 44-45].

Эта молитва – одна из самых нежных, искренних и задушевных поэтических молитв в русской классической литературе. «Кто бы ни была эта дева – возлюбленная ли сердца, или милая сестра, – размышлял В.Г. Белинский о героине «Молитвы», – не в этом дело; но сколько кроткой задушевности в тоне этого стихотворения, сколько нежности безо всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогает в голубиной натуре человека, но в духе мощном и гордом, в натуре львиной – все это больше, чем умирительно», – так в высшей степени восторженно оценивал критик в статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1840) вдохновенные молитвенные строки поэтического обращения Лермонтова к Богородице [1, с. 261].

Большинство исследователей творчества М.Ю. Лермонтова связывают «Молитву» с именем Варвары Александровны Лопухиной, к которой поэт испытывал глубокую сердечную привязанность. Монолог лирического героя в «Молитве» в высшей степени трогателен, проникнут интонацией просветленной грусти и самой нежной любви. Он «...обращается даже не к Богу – Творцу мира, а к Богородице, которая особенно высоко почиталась народом как заступница за всех грешников перед высшим Судьей. И молится он перед иконой Богородицы не за себя, потому что его душа опустошена («пустынная»), <...> а за душу «девы невинной» [9, с. 193-194]. Воспоминание о «незломном сердце», родной душе заставляет героя подумать о другом, светлом «мире упования», в котором «теплая заступница» будет охранять жизнь дорогой ему женщины:

Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незломному мир упования [3, II, с. 68].

Трогательно, по-детски высказывается Лермонтовым последняя мольба:

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную
[3, II, с. 68] –

как будто есть ангелы лучше или хуже... Но лирический герой не случайно просит Богородицу о «лучшем ангеле» – он надеется, что в самую тяжелую минуту расставания тела и души рядом с его любимой окажется сильный, надежный небесный покровитель.

Игумен Нестор, анализируя текст лермонтовской «Молитвы», пишет, что М.Ю. Лермонтов «<...> не только имел желание молиться, но и живо ощущал обратную связь с Небом. Ведь особенность лермонтовской «Молитвы» заключается в том, что она дышит несомненной надеждой поэта на просимое им высшее покровительство. Она исполнена уверенности автора в том, что его просьба непременно будет услышана. Именно в неколебимой уверенности поэта – неотразимая сила воздействия этого стихотворения» [10, с. 257].

Творческая история второй «Молитвы», избранной Лермонтовым для публикации, – «В минуту жизни трудную» – известна благодаря воспоминаниям фрейлины русского императорского двора А.О. Смирновой-Россет и ее дочери – О.Н. Смирновой. По словам А.О. Смирновой-Россет, «Молитва» написана Лермонтовым для княгини М.А. Щербатовой: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи» [11, с. 283]. О.Н. Смирнова, вероятно, со слов матери, сообщает об обстоятельствах создания «Молитвы» следующее: «Его стихи «Молитва» посвящены княгине Щербатовой, урожденной Штерич <...>, они написаны вот по какому случаю: княгиня Щербатова его (Лермонтова. – Г. Б.) спросила (он за ней ухаживал), молится ли он когда-нибудь? Он жаловался, что ему грустно, это было при Смирновой. Он отвечал, что забыл все молитвы. Смирнова сказала ему: «Какой вздор, а молитва успокоит вашу грусть, Лерма». (Его так звали все близкие знакомые <...>). «Неужели вы забыли все молитвы, – спросила княгиня Щербатова, – не может быть!» Александра Осиповна сказала княгине:

«Научите его читать хоть Богородицу». Княгиня Щербатова тут же прочла Лермонтову «Богородицу». К концу вечера он написал стихи, всем известную «Молитву», и показал Смирновой; она сказала ему, что стихи дивно хороши и что следует их переписать и поднести княгине (она была тогда уже вдовой)» [11, с. 294-295].

Возможно, М.А. Щербатова напомнила поэту одну из наиболее почитаемых, возникших в первые века христианства молитв – «Богородице, Дево, радуйся»: **«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с тобою; Благословена Ты в женах, и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»** [12, с. 15]. Княгиня М.А. Щербатова могла напомнить М.Ю. Лермонтову и другую молитву – Похвалу Пресвятой Богородице, известную с X в. и читающуюся в различных случаях: «Достоинство есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем», – которая также коротко называлась «Богородица» и была общеизвестна [12, с. 20]. Это молитва-прославление Пресвятой Богородицы, которая несравненно выше, чем самые близкие творцу Ангелы – Серафимы и Херувимы, ведь Она – счастливая и непорочная Мать Спасителя. Обе молитвы, как правило, завершались кратким молитвенным восклицанием: «Пресвятая Богородице, спаси нас!».

В молитве М.Ю. Лермонтова «В минуту жизни трудную» с психологической и поэтической проникновенностью передано состояние душевной просветленности, контрастно противопоставленное «трудной минуте жизни». Молитва была ниспослана поэту как утешение. «И верится, и плачется, и так легко, легко...» – признается поэт, и читатель понимает, что эти строчки мог написать только человек, действительно испытавший спасительную силу святой молитвы по отношению к своей душе. Присутствие Бога ощущается не разумом, а чувством, душою человеческой. Звуки молитвенных слов слышаны Небом – и страдающая душа исцелена «силой благодатной», избавлена от боли, она обретает мир и покой...

Лирика М.Ю. Лермонтова – отражение сложной, полной противоречий, загадочной духовной жизни поэта. Главный родник лермонтовской поэзии – удивительный душевный склад его, данный ему природой. «Он в себе самом носил целый мир чувств, идей и видений. Эти мысли, настроения и грезы он облек в художественную поэтическую ризу, – писал о М.Ю. Лермонтове один из первых исследователей его творчества Н. Котляревский. – Для всех, кто чуток к красоте, кто склонен и любит думать об ее смысле и назначении в нашей жизни, поэзия Лермонтова навсегда останется неиссякаемым родником наслаждения и размышления» [13, с. 2].

М.Ю. Лермонтов тонко и глубоко чувствовал красоту мира, ощущая себя частью Замысла великого Творца. Очеловеченные, одухотворенные его поэтическим воображением волнующаяся «желтеющая нива» и шумящий «при звуке ветерка» лес, кивающий «из-под куста» «серебристый ландыш» и прячущаяся «в саду малиновая слива», рассказывающий о далеком крае «студеный ключ» составляли мировую гармонию, в которой поэт чувствовал себя счастливым:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога!.. [3, II, с. 69]

Еще в начале прошлого столетия Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал о том, что «Лермонтов не принадлежал к числу натур уравновешенных, светлых и жизнерадостных, каким был А.С. Пушкин. <...> Уныние, грусть, сомнения, разочарования расцветали в его душе, как ее органическая принадлежность, осложняясь или обостряясь под влиянием неблагоприятных обстоятельств его детства и юности... От природы он был осужден переживать – во все возрасты – те скорбные чувства и гнетущие настроения, которые он с такою силою лиризма выразил в своих стихах и так художественно воспроизвел в образе Печорина» [14, с. 41]. В сборник 1840 г. вошло одно из наиболее знаковых стихотворений Лермонтова, в которых выразились «скорбные чувства и гнетущие настроения», – «И скучно, и грустно...», его пронзительное признание в одиночестве. Внес в сборник М.Ю. Лермонтов и стихотворение «Благодарность», содержание которо-

го свидетельствует о том, как уставала его душа в земной суете, как тяжело страдал он из-за «мести врагов» и «клеветы друзей», из-за того, что «был обманут», растратил «жар души» в людской пустыне. В одиночестве и отчаянии он просит смерти:

...Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил... [3, II, с. 126]

Мотив одиночества звучит в «Узнике» и «Думе», «Еврейской мелодии» и «Молитве», «1-м января» и «Воздушном корабле», «Благодарности» и «Тучах», «Соседе» и «Мцыри» – большинстве произведений, помещенных в сборнике. «Одиночество Лермонтова зачастую объясняют не столько исключительным строем его души, сколько иной причиной: его нелюдимостью, неумением и нежеланием завязывать дружеские отношения, замкнутостью и эгоистичностью его характера», – отмечает в монографии «Гайна Лермонтова» иеромонах Нестор и справедливо возражает: «Однако вдумчивое и внимательное отношение к его поэзии не оставляет места для подобных предположений. Обладая особой проницательностью, поэт как никто другой умел по достоинству ценить людей. Он не только нуждался в человеческих привязанностях, но прежде всего сам был способен к дружеским отношениям. Об этом свидетельствуют как факты его биографии, так и его лирика. В нем жила потребность искренних, доверительных отношений и готовность отвечать беззаветной преданностью тому, кто способен к таким чувствам» [15, с. 33]. Это истинно так. В лирике М.Ю. Лермонтова, равно как и в его прозе и драмах, живет страстное желание быть любимым и любить, о котором в одном из ранних стихотворений «1831-го июня 11 дня» поэт писал:

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! – любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил
[3, I, с. 290].

Такая мощная потребность в любви отчасти объясняется обстоятельствами личной судьбы поэта, который в неполных три года стал сиротой – потерял мать и только изредка после этого виделся с отцом. «Ребенок

пока еще сам в полной мере не понимает этого, но трагическое восприятие негармоничного, несправедливо обижающего мира будет крепнуть в нем день ото дня, становясь осознанным вместе с набирающим ум возрастом», – писал о поэте Ю.Н. Беличенко [16, с. 19]. – <...> М.Ю. Лермонтов так никогда и не изведал на себе естественного чувства семьи, чувства взаимного родства, объединяющего родителей и ребенка. Того, что ограждает его от случайных превратностей пока еще непонятного и невероятно влекущего к себе окружающего мира» [16, с. 20]. Для того чтоб в душе человеческой жили свет и радость, нужно чтоб она была защищена любовью. М.Ю. Лермонтов, несмотря на самоотверженную бесконечную любовь бабушки, ощущал недостаток любви: поэт пережил сиротство во младенчестве – такую утрату невозможно возместить. Вероятно, думая о спасительной силе материнской любви, в 1840 г. Лермонтов пишет «Казачью колыбельную песню», которую В.Г. Белинский назвал «художественной апофеозой матери». «Все, что есть святого, беззаветного в любви матери, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какую дышит любовь матери, – все это воспроизведено поэтом во всей полноте», – отмечал критик [17, с. 205-206].

Существует несколько преданий о возникновении «Казачьей колыбельной». По наиболее распространенной версии – колыбельная написана на Тереке в станице Червленной под впечатлением пения казачки, убаюкивающей ребенка. Молодая мать представляет будущее «бранное житье» сына и печалится о предстоящей разлуке с ним. «Стану я тоской томиться, / Безутешно ждать; / Стану целый день молиться, / По ночам гадать...» – поет она, склонившись над колыбелью, и в этой песне заключается почти иконописная красота материнского чувства, исполненного жертвенного начала» [15, с. 117], – отмечает иеромонах Нестор. В то же время – как много светлых и гордых надежд испытывает мать, думая о будущем защитнике: «Богатырь ты будешь с виду / И казак душой...». Завораживающие, успокаивающие строфы песни вселяют надежду на силу материнской любви и спасительность божественного покровительства:

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовься в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю [3, II, с. 108].

М.Ю. Лермонтов поместил в сборнике стихотворения «Еврейская мелодия» (Из Байрона) и «В альбом» (Из Байрона) – несомненный знак того, как много значило для него имя английского поэта-романтика и его влияние. А.П. Шан-Гирей вспоминал, что в 1829 г. М.Ю. Лермонтов «начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев свободно понимал его» [8, с. 36], а Е.А. Сушкова вспоминала, что летом 1830 г. он «был неразлучен с огромным Байроном» [8, с. 88]. С биографией Байрона, его письмами, дневниками М.Ю. Лермонтов познакомился по известному изданию Томаса Мура, друга и литературного душеприказчика поэта, которое увидело свет в 1830 г. В автобиографических заметках юный русский поэт указывал, что читал «Жизнь Байрона» и так же как великий английский поэт переписывал, переделывал свои стихи. Помимо поэзии Дж. Байрона, М.Ю. Лермонтов увлекался творчеством У. Шекспира, В. Скотта, И.В. Гете, Ф. Шиллера... «Что касается литературных влияний, – читаем в литературной характеристике М.Ю. Лермонтова, составленной А.К. Бороздиным, – они были многочисленны, но самым сильным из них признается влияние Дж. Байрона. Однако если вдуматься в поэзию Лермонтова, то это сильное влияние значительно придется ограничить, т. к. Дж. Байрон увлекает нашего героя *по родственности настроения* (выделено мною. – Г. Б.). Разочарование могло возникнуть у М.Ю. Лермонтова и самостоятельно, а Дж. Байрон своей поэзией дает ответ на те вопросы, которые уже раньше назрели в душе нашего писателя. Можно много говорить о влиянии А.С. Пушкина, О. Барбье, Ф. Шиллера и других, но не следует забывать, что все эти влияния были скорее формальны, что *Лермонтов всегда стремился быть самим собою*» (выделено мною. – Г. Б.) [18, с. 96].

М.Ю. Лермонтову была очень близка высокая поэзия Дж. Байрона, ее тревожные

начала, близкие эпохе «русского романтического брожения», необычайно яркий, мощный байроновский романтический герой, но главное во влиянии Дж. Байрона на М.Ю. Лермонтова – не готовые концепции и формулировки, а импульсы эмоционального и идейного порядка, подталкивающие самостоятельную творческую мысль М.Ю. Лермонтова. Ф.М. Достоевский писал: «Байронизм хотя был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества. Байронизм появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния... Дух байронизма вдруг пронесся как бы по всему человечеству, все оно откликнулось ему» [19, с. 349]. Среди откликнувшихся и подхвативших «золотую арфу» английского поэта, способную сотворить чудо, – равновеликий Дж. Байрону М.Ю. Лермонтов, написавший:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русской душой... [3, I, с. 377]

В издание 1840 г. вошли стихотворения, являющиеся непосредственным откликом М.Ю. Лермонтова на окружающую действительность и отразившие его идейные искания и душевные тревоги. По сравнению с лирикой предшествующего, пушкинско-декабристского, периода многие стихотворения М.Ю. Лермонтова отличаются иным эмоциональным тоном. Это верно почувствовал В.Г. Белинский и написал о том, что лирические стихотворения А.С. Пушкина «полны светлых надежд, предчувствия торжества», а в лирических произведениях Лермонтова «уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и в чувства человеческие» [17, с. 167]. Одним из самых значительных стихотворных произведений М.Ю. Лермонтова является «Дума», повествующая о характере и нравственном облике, месте в обществе и российской истории лермонтовского поколения. Размышления о современниках помогают лирическому герою осознать свое положение в мире. Его мысль движется от элегических интонаций печального раздумья к трагическому обобщению: герой понимает, что его личная судьба, к сожалению, аналогична безрадост-

ной судьбе поколения 30-х гг. (от местоимения «я» в начале «Думы» М.Ю. Лермонтов идет к местоимению «мы» в ее финале).

Осуждающая интонация автора, обращенная к современникам, относится и к нему самому:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда... [3, II, с. 85]

«Дума» М.Ю. Лермонтова – взгляд в настоящее, прошлое и будущее. Поэт вспоминает об «отцах» – их ошибках и «позднем их уме», думает о потомках, которые будут вспоминать об отцах с горечью и презрением:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом [3, II, с. 85].

Главное внимание М.Ю. Лермонтов уделил духовному облику современников. Он подчеркнул бесцельность, бессмысленность существования людей, чья жизнь – «путь без цели», «пир на празднике чужом». Бесцветное настоящее не сулит никакого будущего: «грядущее иль пусто, иль темно». Современники представляются М.Ю. Лермонтову толпой «угрюмою и скоро позабытой...» – толпой, неспособной радоваться жизни, стремиться к будущему и верить в него.

Главное в общественной характеристике М.Ю. Лермонтовым своего поколения – отчужденность людей друг от друга. Люди разобщены, одиноки, замкнуты, поэтому и равнодушны ко всему, что происходит вокруг: «К добру и злу постыдно равнодушны / В начале поприща мы вянем без борьбы...» [3, II, с. 84]. Открыто протестовать, тем более активно бороться с несправедливым миропорядком поколение 30–40-х гг. не может: «Перед опасностью – позорно-малодушны / И перед властью – презренные рабы...» [3, II, с. 84].

В «Думе» есть и психологическая характеристика поколения. Прежде всего, это поколение рационалистов: ум современников «иссушен наукою бесплодной». Ровесники поэта не верят своим чувствам, видя в них «бесполезный клад», да и не способны глубоко и искренне чувствовать:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови... [3, II, с. 85]

В крови «кипит огонь», а в душе – «холод тайный» – эта антитеза свидетельствует о том, что истинные чувства закрыты для лермонтовских современников. Ни поэзия, ни искусство не могут расшевелить сердца равнодушных скептиков: создается впечатление, что нет такого дела, которое могло бы захватить человека 30-х гг. и заставить жить ярко и наполненно.

В стихотворении «Не верь себе» (1839) соединились центральные для поэзии М.Ю. Лермонтова темы: тема одиночества поэта, тема драматических взаимоотношений художника и общества, мотив сомнения в возможности понимания обществом духовной жизни поэта. Эпиграфом произведения стал фрагмент стихотворения французского поэта Анри Барбье «Ямбы». Он произносится толпой в адрес поэтов, которых толпа считает «торговцами пафосом», «плясунами, танцующими на фразе». Лирическая поэзия, сокровенные чувства поэта, отражающие мир его души, оказываются вовсе не нужны толпе. Лирический герой стихотворения предостерегает: поэт не должен открывать толпе ни своих печалей, ни своих страстей, если не хочет быть осмеянным:

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной... [3, II, с. 90]

Толпа не хочет и не может понять мыслей и страданий поэта, потому что ее сознание приземленно. Она идет «дорогою привычной», не придает значения тоске и разочарованиям поэта, след забот «чуть виден на лицах праздничных», хотя каждый в этой толпе пережил свои «утраты и преступления». Если поэт понимает трагичность положения толпы, толпа его не понимает и не придает значения тем жизненным событиям, которые уже пережиты ею. Упреки поэта кажутся толпе смешными, а сам поэт сравнивается с разруганным трагическим актером, махающим картонным мечом. Толпа оценивает и судит поэта и его творчество, хотя не имеет на это морального права: каждый

представитель толпы за маской приличия скрывает свой порок...

Это стихотворение – своеобразный итог размышлений М.Ю. Лермонтова о судьбах развития современной поэзии, ее общественной значимости, о характере взаимоотношений и трагическом непонимании художника и толпы. Причина этого трагического непонимания – и в характере поэта, и в образе жизни толпы. Они чужды друг другу, исполнены взаимного неприятия, и это равнодушные и неприязнь одинаково губительны для обеих сторон.

Та же тема – судьба поэта, его положение в обществе – занимает М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Журналист, читатель и писатель» (1840), написанном 20 марта 1840 г. на гауптвахте, где поэт отбывал наказание за дуэль с Барантом. Жанровым и тематическим образцом для лермонтовского произведения послужило стихотворение А.С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), в котором шла речь о положении поэзии и участи писателя в коммерческий век.

В стихотворении М.Ю. Лермонтова развернут спор вокруг нескольких социальных и эстетических проблем, вызывавших полемику на страницах современной поэту периодической печати. В первом монологе журналиста идет речь о том, что поэту необходимо творческое уединение для того, чтобы он мог писать:

Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь! [3, II, с. 110-111]

Журналист же должен мыслить, а не повторять банальные суждения толпы; он должен соответствовать уровню Читателя, а не уровню толпы. Журналист – реальная сила, которая должна духовно образовывать толпу, готовить ее к пище духовной.

Позиция Писателя в лермонтовском стихотворении очень сложна. Анализируя ситуацию, он никак не может найти выход: о чем писать? Удалиться в мир мечты или заниматься обличением существующего в мире зла? И то, и другое может вызвать «злость» и «ненависть» «неблагодарной толпы», а пророческая речь поэта будет осмеяна и названа бранью.

Писатель, объясняя причину своего творческого молчания, отвечает, что темы исчерпаны:

О чем писать? Восток и юг
 Давно описаны, воспеты;
 Толпу ругали все поэты;
 Хвалили все семейный круг... [3, II, с. 113]

Однако журналист и читатель возвращают писателя к мысли о качестве написанного современными мастерами пера: «Стихи – такая пустота; / Слова без смысла, чувства нету...» [3, II, с. 114]. То, что замечание в адрес литераторов высказывает именно читатель, убеждает в том, что М.Ю. Лермонтов дорожил мнением читателей, интересом их к собственному творчеству. Читатель, журналист и писатель невысоко оценивают достоинства литературы; кроме того, читатель отзывается о журналистах так же посредственно-уничижительно, как и о писателях:

В чернилах ваших, господя,
 И желчи едкой даже нету –
 А просто грязная вода... [3, II, с. 115]

Положение журналиста и роль его в стихотворении – особенные. Не случайно Лермонтов открывает стихотворение мизансценой – ремаркой: «Комната писателя. Опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит» [3, II, с. 110].

Журналист оказывается звеном в общении между читателем и писателем, от него зависит, как будет преподнесено произведение, какотреагирует на него читатель. От вкуса и ума журналиста зависит в значительной мере весь литературный процесс.

То, о чем думает писатель, будет понятно только в том случае, если публика будет духовно просвещенной, образованной. Тогда ей будут понятны и идеальные мечты писателя, и его сатирические разоблачения. В стихотворении М.Ю. Лермонтова нет окончательного вывода, лекарства от болезни, но в нем определен путь преодоления проблемы – непонимания между Писателем и Читателем.

Немецкий критик Боденштедт писал о том, что в своей лирике «Лермонтов решил трудную задачу – удовлетворить в одно время и естествоиспытателя и эстетика. Рисует

он перед нами исполинские горы многовершинного Кавказа, где взор, поднимаясь вверх, теряется в снежных облаках, и опускаясь вниз, тонет в бездне; или горный поток, клубящийся над утесом, на котором страшно стоять дикой козе, то светло ниспадающий «как согнутое стекло», в пропасть, где сливается с новыми ручьями, и вновь выходит на свет; описывает ли он нам горные аулы и леса Дагестана, или испещренные цветами долины Грузии; указывает нам на облака, бегущие «степью лазурною, цепью жемчужною», воспевает ли он священную тишину лесов или буйный гром битв, – он всегда и во всем остается верен природе до мельчайших подробностей. Все эти картины восстают перед нами в жизненно-ясных образах, и в то же время от них веет какою-то таинственной поэтической прелестью, как будто действительным благоуханием и свежестью этих гор, цветов, лугов и лесов» [20, с. 237]. «Русалка», «Дары Терека», «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Горные вершины» – необычайно выразительны, глубоки, философичны. Поэт был очень восприимчив к образам или символам, говорящим о светлом и радостном настроении, о религиозном умилении, о молитвенном покое души, поэтому так легко рождались удивительные по красоте стихи. М.Ю. Лермонтов увидел однажды у А.Н. Муравьева привезенную из Палестины пальмовую ветвь, и написал чудные молитвенно-лирические стихи:

Заботой тайною хранима
 Перед иконой золотой
 Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
 Святыни верный часовой.

Прозрачный сумрак, луч лампы,
 Кивот и крест, символ святой...
 Все полно мира и отрады
 Вокруг тебя и над тобой [3, II, с. 54].

Божьим Промыслом ему было дано видеть то, чего никогда не смогут увидеть обыкновенные люди, слышать звуки ангельских песен, а в очертаниях грозных облаков угадывать крылья Демона...

Тоскою по светлomu счастью, по мирной и тихой жизни на лоне природы среди вдохновенной поэзии проникнуто прекрасное стихотворение «Памяти А.И. Одоевского» (1839). М.Ю. Лермонтов написал его под впечатле-

нием от знакомства и дружбы с А.И. Одоевским, поэтом-декабристом, размышляя о «вере гордой в людей и жизнь иную», сбереженной им. «Лейтмотив стихотворения – горечь существования человека высокой души, гонимого враждебным ему «светом», не находящего понимания и отклика в окружающих людях и лишь в единстве с природой обретающего мир и покой, – характерен для лермонтовской лирики» [21, с. 362], – писал Э.Э. Найдич. Превосходна картина природы, созданная Лермонтовым в конце стихотворения, – как символ покоя, блаженной тишины, гармонии духа:

Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет.
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимаю,
А море Черное шумит не умолкая
[3, II, с. 99].

Среди помещенных в сборнике стихотворений – созданные в первой половине 1839 г. «Три пальмы». Баллада вызвала настоящий восторг В.Г. Белинского: «На Руси явилось новое могучее дарование – Лермонтов; вот одно из его стихотворений: Три пальмы (Восточное сказание) <...> Какая образность! – так все и видишь перед собою, а увидев раз, никогда уж не забудешь! Дивная картина – так и блестит всею яркостью восточных красок! Какая живописность, музыкальность, сила и крепость в каждом стихе, отдельно взятом!» – писал критик Н.В. Станкевичу в конце сентября – начале октября 1839 г. [1, с. 254-255]. Живописность лирического лермонтовского стиха, увиденную и прочувствованную В.Г. Белинским, отмечал и один из первых исследователей баллады А.И. Бороздин: «Кроме музыкальности, стихи Лермонтова отличаются своею пластичностью, особенно там, где мы встречаем у поэта описания природы. Эти описания можно сравнить с живописью, они чрезвычайно богаты красками, часто в нескольких словах перед нами рисуется целая яркая картинка. <...> Так и чувствуется в этих стихах палящий зной аравийских степей:

В песчаных степях Аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.

Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной»
[18, с. 244-245].

Анализируя идейное содержание и лексический строй баллады, Н.Ф. Сумцов, В.Э. Вацура, В.Н. Турбин указывали на то, что в «Трех пальмах» отразилось влияние «Подражания Корану» А.С. Пушкина [22]. Н.Ф. Сумцов, обращая внимание на сходные черты в трактовке А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым восточной темы в указанных стихотворениях, отметил и их принципиальное различие: «Стихотворение Пушкина исполнено любви и всепрощения. В основании стихотворения Лермонтова лежит непривлекательный односторонний пессимизм. У Пушкина главная идея – милосердие бога, у Лермонтова – неблагодарность и жестокость человека» [23, с. 323].

Обратим внимание на главное: оба поэта осмысливают восточный сюжет, но каждый по-своему. Пушкинский путник ропщет на Бога, потому что измучен дорогой и палящим солнцем: «В пустыне блуждая три дня и три ночи / И зноем и пылью тягчимые очи / С тоской безнадежной водил он вокруг...» и мечтает найти спасение в тени деревьев: «И к пальме пустынной он бег устремил / И жадно холодной струей освежил / Горевшие тяжко язык и зеницы...» [24, с. 188], а у М.Ю. Лермонтова караванчики полны сил, их стан весел, а пальмы, напротив, страдают без присутствия человека как без спасительной тени:

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы...»
[3, II, с. 93]

В финале пушкинского стихотворения милосердный Спаситель совершает великое чудо, даруя истлевшей пальме, иссохшему колодцу, погибшей ослице и состарившемуся путнику новую жизнь, и между природой и человеком царствуют согласие и гармония, в лермонтовской балладе люди безжалостно уничтожают оазис в пустыне:

И ныне все дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскаленный заносит...
[3, II, с. 95]

Концовка пушкинского произведения – жизнь и свет, итог лермонтовского – разрушение и смерть. Сеем предположить, что «односторонний пессимизм» (см. выше суждение Н.Ф. Сумцова. – Г. Б.) связан с одним важным обстоятельством. М.Ю. Лермонтов, живший на Кавказе и обладавший редкой наблюдательностью, имел представление об исламе и священной книге мусульман Коране – откровениях, произнесенных от имени Аллаха пророком Мухаммедом. Об этом свидетельствуют кавказские поэмы М.Ю. Лермонтова, ярким свидетельством тому являются строки «Валерика»:

...И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Неволью сблизили... [3, II, 160]

Лермонтов создает не подражание Корану (как у Пушкина), а восточное сказание, в каждой строке которого ощущается знание Востока, в котором воссоздается «образ мыслей, чувствований» и веры восточного человека: Всемогущий Аллах не терпит протеста и ропота, верующий во всем должен полагаться на священную волю Аллаха и принимать ее без рассуждений, иначе его ждет неизбежная кара, которая и постигла несчастные пальмы...

«Почти во всех картинах природы, нарисованных М.Ю. Лермонтовым, нас поражает контраст любящего сердца природы и жестокой души человека. Что иное, как не рассказ о вторжении эгоистического человека в мир любви дан в стихотворении «Три пальмы»?» – подчеркивал Н. Котляревский в монографии «Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения» (1912) [13, с. 187]. Лермонтоведы XX в., обращавшиеся к исследованию «Трех пальм», единодушно отмечали: содержание баллады является ответом на этот вопрос. Судьба красоты природного мира оказывается в руках человека, и именно он является носителем разрушающей эгоистической силы – эта идея звучит не

только в «Трех пальмах», но и «Споре», «Дарах Терека» и многих других лирических произведениях поэта. Кроны пальм спасают арабский караван от палящего солнца, «щедро поит их студеной ручей», наполняя кувшины путников водою, но людям этого мало. Спасаясь от ночного холода, люди – неразумные «малые дети» – срубили и сожгли роскошные пальмы. «Полным разрушением, уничтожением, огнем да «пеплом седым и холодным» заплатил человек природе за ее всегдашнюю готовность «служить» ему: за отградный отдых, за мирный гостеприимный ночлег» [25, с. 50]. Одушевление природы в балладе так органично и естественно, что уничтожение красавиц-пальм вызывает ассоциацию с казнью человека:

Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем... [3, II, с. 94]

Исследователи XX в., рассматривая философское, нравственное, общественное содержание «Трех пальм», обратили внимание на многозначность главного образа. Б.Т. Удодов определил его содержание и основную идею баллады так: «Три гордые пальмы олицетворяют собою не только красоту природы. Это символ юных существ, полных жизненных сил и благих порывов, жаждущих послужить людям, принести пользу человечеству. После долгих лет томительного ожидания счастье как будто им улыбнулось. Но тем трагичнее оказывается конечный исход – неожиданная гибель, смерть вместо благодарности за содеянное добро, за бескорыстную самоотдачу» [26, с. 197].

Пальмам казалось, что жизнь их скучна и бесполезна, т. к. никто не радовался их красоте и силе, ничей «благодарный взор» не касался их роскошных ветвей:

...Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благодарный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!
[3, II, с. 93]

Желание пальм принести пользу людям и ропот приводят их к гибели и побуждают читателя задаться вопросом: стоит ли просить у Создателя больше, чем он дает тебе?

Проблематика поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» – второй из включенных поэтом в издание – связана с центральными мотивами

его творчества: темой свободы и воли, одиночества, темой слияния героя с миром, природой. Замысел поэмы о монахе, рвущемся на свободу, поэт вынашивал десять лет. В 1830 г. он написал поэму «Исповедь», которая представляла собой откровение монаха, осужденного на смерть за любовь. Через несколько лет в поэме «Боярин Орша» М.Ю. Лермонтов вернулся к той же теме: герой также воспитывался в монастыре и стремился на волю.

В 1837 г. сама жизнь подсказала поэту сюжет будущей поэмы. Сосланный на Кавказ, М.Ю. Лермонтов проезжал по Военно-Грузинской дороге и недалеко от Мцхеты, близ монастыря, встретил старика монаха. Тот рассказал ему, что еще ребенком был взят в плен русскими, в пути заболел и был отдан на воспитание в монастырь. Он вспоминал, как тосковал тогда по родине, как мечтал вернуться домой, пытался бежать, но постепенно свыкся со своей тюрьмой, втянулся в однообразную монастырскую жизнь и смирился...

Рассказ монаха оказался созвучен мыслям самого М.Ю. Лермонтова о свободе и неволе, волновавшим его долгие годы. В развитии сюжета поэмы он оставил все, что услышал из уст монаха, кроме самого важного: герой поэмы не смог примириться с неволей, стремление к свободе оказалось сильнее, чем спокойная монастырская жизнь.

Основой сюжета является традиционная романтическая ситуация: бегство из неволи. Попытка героя освободиться от монастырских оков оказалась неудачной: заблудившись, Мцыри возвращается в свою тюрьму, но не может жить в неволе после того, как вдохнул воздух свободы. В этом и заключается основная мысль поэмы, выраженная уже в эпиграфе: «Вкушая, вкусил мало меду, и вот я умираю» [3, IV, с. 188].

Вся поэма, по существу, состоит из предсмертной исповеди Мцыри. Он рассказывает историю своей жизни, и перед читателями открывается душа беглеца. Герой поэмы – исключительная личность, наделенная сильными страстями, гордая, стремящаяся к свободе, типично романтический характер. Свобода в представлении Мцыри связана с родиной, которую он не смог забыть. Песни сестер, блеск отцовского ружья, звон его кольчуги – все живо в его памяти. Лишь в

«чудном мире тревог и битв, где в тучах прячутся скалы, где люди вольны, как орлы» герой может быть счастлив.

Факту побега Мцыри М.Ю. Лермонтов придал героический и трагический характер. В тот момент, когда гроза заставила всех монахов в страхе припасть к земле, послушник вырвался на свободу:

О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил... [3, IV, с. 198]

М.Ю. Лермонтов противопоставил в этой сцене образы трепещущих монахов, молящих Бога защитить их от опасности, и Мцыри – бесстрашного юношу, сердце которого живет в дружбе с грозой. Не находя родной души в мире людей, герой мечтает слиться с миром природы – это тоже типично романтическая ситуация. Мцыри воспринимает природу как живое существо: деревья напоминают ему «братьев в пляске круговой», тихо шепчут прибрежные кусты у Арагвы, ждут встречи «груды темных скал» в горах... Беглец сравнивает обретенную волю с раем:

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев... [3, IV, с. 200]

Но даже тогда, когда природа меняется и вместо «божьего сада» Мцыри видит «мрачный лес», вместо «кудрей виноградных лоз» – «терновник, спутанный плющом», вместо «прозрачно голубого свода» – темноту ночи, он не пугается и продолжает свой путь:

Я цель одну –
Пройти в родимую страну –
Имел в душе... [3, IV, с. 204]

Судьба готовит Мцыри еще одно испытание – встречу с барсом. Эта сцена очень важна в поэме, т. к. в ней еще ярче раскрываются могучий дух Мцыри и врожденные качества бойца. Бешеный скачок зверя грозит ему смертью, но он предупреждает его верным ударом. Сердце Мцыри зажигается жаждой борьбы, из которой он выходит побе-

дителем. Думаю, Мцыри имел полное право считать себя достойным сыном вольных гор:

Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов [3, IV, с. 206].

Отвечая на вопрос монаха о том, что делал он на воле, Мцыри произносит:

На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей [3, IV, с. 197].

Мцыри искал путь к горам в мрачном лесу, рыдал на земле от отчаяния, страдал от боли и ран, но все же ни о чем не жалеет:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог... [3, IV, с. 198]

Израненный и ослабевший, Мцыри был найден монахами и возвращен в монастырь – умирать. Так воплощается в поэме традиционная для романтических произведений идея неодолимости рока. Однако даже перед смертью он мечтает о вольном Кавказе, прощальном привете, родном звуке, которые принесет ему прохладный ветерок. Умиравший Мцыри обращается к чернецу: «Прощай, отец... дай руку мне...» [3, IV, с. 217]. Думается, это не случайно, хотя именно так принято обращаться к лицу духовного звания. Мцыри важно, чтоб рядом с ним был родной человек, сумевший понять его не смирившуюся с неволей, пылкую и страстную душу.

Думается, есть логичное объяснение того, что М.Ю. Лермонтов обращался к теме бегства из неволи в множестве поэм и лирических стихотворений. Он изображал героев, которые были воплощением его, авторского идеала свободолюбия, независимости, патриотизма. Победенный физически, но не сломленный духовно, Мцыри олицетворяет собой торжество воли, устремленной к свободе, а преданность героя своей родине, его мечта делают образ послушника героическим. В.Г. Белинский, восхищаясь лермонтовским героем, писал, что у него «огненная душа», «могучий дух», «исполинская натура». Критик отмечал: «Это любимый идеал

нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности» [17, с. 207]. Действительно, силой духа, стремлением к действию, жаждой свободы Мцыри напоминает самого поэта, душа которого живет в этом герое.

1 января 1840 г. поэт создал одно из лучших своих лирических произведений – «Как часто, пестрою толпою окружен...». Два мира рисует поэт в стихотворении. Один из них – мир земной суеты, фальши и лицемерия, в котором обречен жить лирический герой. Это мир «бестрепетных рук», «бездушных масок», «затверженных речей», в котором автор чувствует себя одиноким и чуждым. Второй – мир детства, «старинной мечты», «святых звуков», «всесильного царства» поэзии, дорогих его сердцу Тархан, к которым лирический герой стремится «вольной, вольной птицей».

М.Ю. Лермонтов как художник кистью рисует хранящиеся в памяти окрестности родного дома в часы вечернего преображения:

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами [3, II, с. 106-107].

Поэтический образ отчего дома вызывает у лирического героя ассоциацию с желанной мечтой-воспоминанием о любви:

Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рошей первое сиянье [3, II, с. 107].

Заключительными в сборнике стали «Расстались мы; но твой портрет...» и «Тучи», звучащие символично. Стихотворение, в котором Лермонтов написал о любви и разлуке, – «Расстались мы; но твой портрет...» – восходит к написанным ранее «Взгляни, как мой спокоен взор», «Я не люблю тебя; страстей...», «Силуэт». Поэт признается в любви, над которой не властны ни обстоятельства, ни время: «Так храм оставленный – все храм, / Кумир поверженный – все бог...» [3, II, с. 71]. Романтический образ любви-храма свидетельствует не только о том, как глубоко были усвоены М.Ю. Лермонтовым романтические традиции поэзии, но прежде о том, с

какой силой чувствовал поэт согревающее душу тепло неугасающей любви и как свято берег «на груди» портрет незабвенной своей возлюбленной...

«Последней прощальной песней лебедя, оставляющего привычные воды для других, дальних и чуждых, но, может быть, более привольных ему вод» назвал «Тучи» В.Г. Белинский. В.А. Сологуб рассказывал П.А. Висковатову в 1877 г. о том, как было создано это стихотворение. «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение «Тучки небесные, вечные странники!». Софья Карамзина и несколько гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...» [3, II, с. 318]. С горечью говорит лирический герой о своем одиночестве и изгнании, сравнивая свое вынужденное расставание с родиной и вольное странничество «вечно холодных и вечно свободных» туч:

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания...

[3, II, с. 131]

В воспоминаниях современников о поэте часто можно встретить суждения о том, что М.Ю. Лермонтов был человеком неприветливым, дерзким, закрытым. Но, прочитав стихи, включенные им в 1840 г. в собрание сочинений для печати, каждый признает, что поэт рассказал нам свою жизнь доверчиво и открыто. Он как будто знал, что его сложная, стремительная, короткая и прекрасная жизнь будет нужна людям, и не скрывал от них ничего, даже самых сокровенных, интимных чувств. М.Ю. Лермонтов щедро делится с читателем всем пережитым, передуманным, пережитым им самим. Он – подчас как на исповеди! – рассказывает о том, как жил и поступал он сам, как любил и как ненавидел, не скрывает ни своих сомнений, ни угрызений совести, ни горького отчаяния, ни светлых мгновений радости и счастья. И в

каждой его стихотворной строке живет его яркая, смелая, страстная, настоящая мужская душа...

1. *Белинский В.Г.* Стихотворения М. Лермонтова. Санкт-Петербург. 1840 // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. Статьи, рецензии, заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. М., 1978.
2. *Коровин В.И.* Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973.
3. *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 2000. В тексте указывается том и страницы.
4. Л.Н. Толстой. Жизнь и творчество. Документы. Фотографии. Рукописи. М., 1995.
5. М.Ю. Лермонтов: Петергоф, поэт, эпоха. СПб., 2014.
6. *Эйхенбаум Б.* О прозе. Л., 1969.
7. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1976. В тексте указывается том и страницы.
8. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
9. *Коровин В.И.* М.Ю. Лермонтов // История русской литературы: в 3 ч. Ч. 2 (1840–1860-е гг.). М., 2005.
10. *Игумен Нестор (В.Ю. Кумыш).* Был ли Лермонтов религиозным человеком? // М.Ю. Лермонтов и православие. М., 2010.
11. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
12. Молитвослов. М., 1997.
13. *Котляревский Н.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения. СПб., 1912.
14. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* М.Ю. Лермонтов. К столетию со дня рождения великого поэта. М., 1914.
15. *Игумен Нестор (Кумыш).* Тайна Лермонтова. СПб., 2011.
16. *Беличенко Ю.Н.* Лета Лермонтова: Документальное повествование о биографии великого поэта, ее загадках и темных местах. М., 2001.
17. *Белинский В.Г.* Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М., 1983.
18. *Бороздин А.К.* Условия жизни, способствовавшие преобладанию протестующего характера поэзии Лермонтова против несовершенств жизни // Михаил Юрьевич Лермонтов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей / сост. В. Покровский. М., 1914.
19. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Москва; Ленинград, 1930. Т. 12.
20. *Боденштедт Ф.* Картины природы в произведениях Лермонтова // Михаил Юрьевич Лермонтов. Его жизнь и сочинения. Сборник

- историко-литературных статей / сост. В. Покровский. М., 1914.
21. *Найдич Э.Э.* «Памяти А.И. Одоевского» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1999.
 22. *Вацуро В.Э.* Литературная школа Лермонтова // Вацуро В.Э. О Лермонтове. Работы разных лет. М., 2008. С. 204-247.
 23. *Сумцов Н.Ф.* О влиянии Пушкина на Лермонтова // Сумцов Н.Ф. А.С. Пушкин. Харьков, 1900.
 24. *Пушкин А.С.* Избранные сочинения. М., 1990.
 25. *Майков Б.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Подробный разбор его главнейший произведений для учащихся и биографический очерк. Спб., 1909.
 26. *Удодов Б.Т.* М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
-
1. *Belinskiy V.G.* Stikhotvoreniya M. Lermontova. Sankt-Peterburg. 1840 // Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 3. Stat'i, retsenzii, zametki. Fevral' 1840 – fevral' 1841. M., 1978.
 2. *Korovin V.I.* Tvorcheskiy put' M.Yu. Lermontova. M., 1973.
 3. *Lermontov M.Yu.* Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t. M., 2000. V tekste ukazyvaetsya tom i stranitsy.
 4. *L.N. Tolstoy.* Zhizn' i tvorchestvo. Dokumenty. Fotografii. Rukopisi. M., 1995.
 5. *M.Yu. Lermontov:* Petergof, poet, epokha. SPb., 2014.
 6. *Eykhensbaum B.* O proze. L., 1969.
 7. *Lermontov M.Yu.* Sobranie sochineniy: v 4 t. M., 1976. V tekste ukazyvaetsya tom i stranitsy.
 8. *M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov.* M., 1989.
 9. *Korovin V.I.* M.Yu. Lermontov // Istoriya russkoy literatury: v 3 ch. Ch. 2 (1840–1860-e gg.). M., 2005.
 10. *Igumen Nestor (V.Yu. Kumysh).* Byl li Lermontov religioznym chelovekom? // M.Yu. Lermontov i pravoslavie. M., 2010.
 11. *Smirnova-Rosset A.O.* Dnevnik. Vospominaniya. M., 1989.
 12. *Molivoslov. M.,* 1997.
 13. *Kotlyarevskiy N.* Mikhail Yur'evich Lermontov. Lichnost' poeta i ego proizvedeniya. Spb., 1912.
 14. *Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N.* M.Yu. Lermontov. K stoletiyu so dnya rozhdeniya velikogo poeta. M., 1914.
 15. *Igumen Nestor (Kumysh).* Tayna Lermontova. SPb., 2011.
 16. *Belichenko Yu.N.* Leta Lermontova: Dokumental'noe povestvovanie o biografii velikogo poeta, ee zagadkakh i temnykh mestakh. M., 2001.
 17. *Belinskiy V.G.* Stat'i o Pushkine, Lermontove, Gogole. M., 1983.
 18. *Borozdin A.K.* Usloviya zhizni, sposobstvovavshie preobladaniyu protestuyushchego kharaktera poezii Lermontova protiv nesovershenstv zhizni // Mikhail Yur'evich Lermontov. Ego zhizn' i sochineniya. Sbornik istoriko-literaturnykh statey / sost. V. Pokrovskiy. M., 1914.
 19. *Dostoevskiy F.M.* Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Moskva; Leningrad, 1930. T. 12.
 20. *Bodenshtedt F.* Kartiny prirody v proizvedeniyakh Lermontova // Mikhail Yur'evich Lermontov. Ego zhizn' i sochineniya. Sbornik istoriko-literaturnykh statey / sost. V. Pokrovskiy. M., 1914.
 21. *Naydich E.E.* “Pamyati A.I. Odoevskogo” // Lermontovskaya entsiklopediya. M., 1999.
 22. *Vatsuro V.E.* Literaturnaya shkola Lermontova // Vatsuro V.E. O Lermontove. Raboty raznykh let. M., 2008. S. 204-247.
 23. *Sumtsov N.F.* O vliyani Pushkina na Lermontova // Sumtsov N.F. A.S. Pushkin. Khar'kov, 1900.
 24. *Pushkin A.S.* Izbrannye sochineniya. M., 1990.
 25. *Maykov B.A.* Mikhail Yur'evich Lermontov. Podrobnyy razbor ego glavneyshiy proizvedeniy dlya uchashchikhsya i biograficheskiy ocherk. Spb., 1909.
 26. *Udodov B.T.* M.Yu. Lermontov. Khudozhestvennaya individual'nost' i tvorcheskie protsessy. Voronezh, 1973.

Поступила в редакцию 20.09.2014 г.

UDC 81(091)

“ON THOUGHTS BREATHING WITH POWER, / AS PEARL THE WORDS STRING...”: LYRICS OF M.Y. LERMONTOV IN FIRST EDITION OF POET’S POEMS (1840)

Galina Borisovna BUYANOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: galina_buyanova@mail.ru

The content of the first and the only one publishing of Lermontov’s lifetime poems that were published in 1840 is considered. The author is thinking about peculiar world view of the poet, poetic incarnation of his opinions about the world and relations between people, about the difficulties of people’s feelings, the beauty and harmony of the world that were reflected in poet’s lyrics. The poems, which were analyzed, are “A Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik, and the Valorous Merchant Kalashnikov” “Mtsyri” the poems which form the golden fund of Russian poetry – “Borodino”, “The elegy”, “I, the mother of God, with prayer now” In a difficult moment of time” “Three palm-trees” and many others. The author of the paragraph is considering the creative way of Lermontov as a non-stopping and rapid development in the process of which the author has already returned to the common themes, motives, images, and enriched them. In the process of literary analysis of Lermontov’s works the memories of contemporaneities and poet’s friends are used, rare investigating works of the end of the 19th and the beginning of the 20th century of D.N. Ovsyaniko-Kulikovski, N. Kotlyarovski, V. Pokrovski, B. Maikov and also the works of outstanding investigators of Lermontov of the XX the beginning XXI century

Key words: first anthology of poems, publishing of 1840; lyric personality; creative aim of the poet; literary influence; historic destiny of Russia; Lermontov’s generation.